

Russian version of "A Russian Culture Course Based on a Semiotic Pattern," Russian Language Journal, XLVII, Nos. 156-158 (1993), 3-15.

Кевин Мосс, США
Миддлбери колледж
МАПРЯЛ 1990
Секция 5, 12/8

Семиотический подход к курсу по советской культуре

Курс по советской культуре предоставляет хорошую возможность для изучения текстов и жанров, которые не входят в обычный курс обзора литературы советского периода. Доминантными жанрами в средневековой русской культуре были икона и житие, в 19ом в. -- реалистический роман. В советский период доминантными жанрами служили фильм и роман соцреализма. Часто можно их брать вместе: сравнить фильм с его романом-прототипом или просто показать фильм вместо толстоватого, чаще всего, романа. Романы соцреализма хотя и длинные, но читаются студентами быстрее и с меньшими проблемами чем, скажем, «Петербург» Белого. Можно изучать разные стороны советского быта на материале ряда работ развлекательного характера, которые могут считаться слишком мелкими для включения в обычный обзор литературы: «Иванькиада» Войновича и «Обмен» Трифонова о квартирном вопросе, «Созвездие козлотура» Искандера на фоне материалов о Лысенко.

Но что может служить теоретической основой для такого курса? На конференции в Америке я уже говорил о том, как славистам, преподающим курсы по русской культуре везет в этом смысле: есть целый ряд работ московско-тартуской семиотической школы, посвященных именно типологическому изучению культуры. В своей статье «О семиотическом механизме культуры», например, Юрий Лотман и Борис Успенский различают культуры по признаку интерпретации отношения между выражением и содержанием. Отношение

между выражением и содержанием может рассматриваться как единственное возможное или произвольное (случайное, конвенциональное).¹ В первом случае, одно выражение относится только к одному содержанию, и изменение названия ведет к изменению в содержании. Лотман и Успенский определяют такие культуры как «культуры, направленные преимущественно на выражение». Культуры, в которых отношение между выражением и содержанием рассматривается как условное, они определяют как «культуры, направленные преимущественно на содержание», так как условно можно выбрать любое выражение для обозначения любого содержания.

«В условиях /культур/ направленных непосредственно на содержание предполагается известная свобода как в выборе содержания, так и в связи его с выражением».² Культура выражения свойственно представление о себе как о совокупности нормированных текстов, в то время как культурам содержания -- представление о себе как о системе правил определяющих создание текстов. Разницу легко проследить на материале культуры русского средневековья и западного 18го века. Жития святых и иконы следуют канону образцов-прототипов. Изменение в выражении строго запрещается. Изменения, которые были введены накануне раскола, в тексты, в литургию, в орфографию имени Иисуса рассматривались как выражение иного, неправильного содержания. Для культуры содержания (западной или современной) разница между Иисусом с одним «и» и Иисусом с двумя кажется пустяковой. Для культуры выражения вводит разницу в содержании: новая форма является выражением не Христа, а антихриста. В культуре просвещения 18го века механизм культуры строится не на повторении канонических образцов, а на системах правил для создания текстов.

---

¹Ю. Лотман и Б. Успенский, «О семиотическом механизме культуры», ТЗС № 5, с. 151.

²ЛЮ. Лотман и Б. Успенский «О семиотическом механизме культуры», ТЗС № 5, с. 152.

Когда речь идет о культуре русского средневековья или 18го века, нет сомнения, что работы семиотической школы очень полезны. Но в праве ли мы применять их и в отношении культуры советского периода? Лотман и Успенский не пишут о современной культуре или о культуре Советского Союза. Когда Лотман пишет о поэтике бытового поведения в России 18го века, он ссылается на то, что объективное описание культуры требует дистанции или географической или исторической.³ В другой программной статье, «О типологическом изучении культуры», Лотман указывает на проблему авто-референции, когда метаязык описания совпадает с языком описываемого объекта: «язык нашей культуры может быть использован для описания других культур, но не может использоваться для описания нашей культуры, иначе он одновременно выступит в качестве и языка объекта, и языка описания».⁴ Тем не менее, ниже Лотман пишет, что объективная типология дает возможность описать и свою культуру: «но сама идея типологии состоит в том, чтобы дать единообразно описанные, следовательно сравнимые, все системы человеческих культур, в том числе, конечно, и собственную культуру самого автора описания.»⁵ Можно ли применить методы и типологии московско-тартуской семиотической школы в отношении советской культуры? Лотман и Успенский обходят советскую культуру, чтобы не затрагивать эту проблему. Но многие их описания, как нам кажется, так же хорошо подходят к советской культуре, как и к культуре русского средневековья.

Как и культура русского средневековья, советская культура направлена преимущественно на выражение. Как пишут Лотман и Успенский: «Культурам, характеризующимся преимущественной направленностью на выражение, свойственно

---

³Ju. M. Lotman "The Poetics of Everyday Behavior in Russian Eighteenth Century Culture," *Semiotics of Russian Culture* (Ann Arbor, 1984) 231.

⁴Ю. Лотман, «О типологическом изучении культуры», *Readings in Soviet Semiotics*, Ann Arbor, 1971, 374.

⁵Ю. Лотман, «О типологическом изучении культуры», *Readings in Soviet Semiotics*, Ann Arbor, 1971, 374.

представление о себе, как о правильном тексте (совокупности текстов), тогда как культурам, направленным преимущественно на содержание, свойственно представление о себе как о системе правил»⁶. В своей книге о советском романе Катерина Кларк говорит о том, что такая же совокупность текстов (а не система правил) лежит в основе соцреализма: «Не в теоретических формулировках, а в практических образцах нужно искать ответ на вопрос: "Что такое социалистический реализм?" Я буду пользоваться чисто прагматическим подходом и определю советский социалистический реализм как каноническую доктрину, определяемую текстами "святых отцов". С тех пор как социалистический реализм был провозглашен как единственный метод, подходящий для советской литературы, большинство официальных высказываний содержит краткий список образцов, которые должны направлять писателей в их дальнейшей работе»⁷. Если трудно разобраться в фактах, которые стоят за житием святого, так как и святые и их биографы уделяют больше внимания унаследованной традиции (выражению) чем историческому факту (содержанию), то то же самое можно сказать и о романах соцреализма, многие из которых основаны на фактах, а некоторые даже считаются автобиографиями (например «Чапаев», «Как закалялась сталь»). В «Повести о настоящем человеке» Полевой показывает как литература соцреализма и жизнь должны переплетаться. Сначала комиссар цитирует Мересьеву «Как закалялась сталь»: Мересьев возражает: «но Корчагин ведь не был летчиком».⁸ Тогда комиссар дает Мересьеву статью о летчике времен первой мировой войны, и этот материал дает герою стимул к выздоровлению. Показательно, что поворотный момент связан с печатным текстом, который дает герою образец для подражания.

⁶Ю. Лотман и Е. Успенский «О семиотическом механизме культуры», ТЭС № 5, с. 153.

⁷Katerina Clark, *The Soviet Novel: History as Ritual* (Chicago, 1981) 3-4.

⁸Е. Полевой, *Повесть о настоящем человеке*. М., 1962, с. 116.

Для культур выражения характерны ритуализованные поведение, язык и табу. Подзаголовок у Кларк, «История как ритуал» и название статьи Ефима Эткинда «Советские табу» показывают, что эти термины так же подходят к советской культуре, как и к так называемой примитивной или первобытной культуре. Ритуальное значение слов в советской культуре так же легко обнаруживается в литературе, как и в описаниях советской жизни западными корреспондентами. «Я как коммунист — говорит Иванько в «Иванькиаде» Войновича, — протестую против этих вот слов "казнь Пастернака"». ⁹

Как пишут Лотман и Успенский: «в условиях культуры направленной преимущественно на выражение и представляемой в виде совокупности нормированных текстов, основной оппозицией (между культурой и не-культурой—КМ) будет «правильное-неправильное»». ¹⁰ Неправильное выражение ассоциируется с культурой со знаком "-". В «Созвездии козлотура» Искандера, например, изменение названия "козлотура" в "турокоза" имеет идеологические последствия: «оказалось, то, что мы принимали за опisku или даже ошибку было ложной, вредной, но все-таки системой взглядов, а с системой надо бороться» ¹¹.

Лучше всего можно проследить направленность советской культуры на выражение, с ритуализацией языка и табу, которые из этого следуют, в одной из лучших работ литературы советского периода—в «Мастере и Маргарите» Булгакова. У Булгакова нас интересуют ершалаимские главы, так как в них проявляется разница между историческим Иисусом и Иисусом Евангелия. Если Иешуа Воладда является историческим Иисусом, тогда тот Иисус, которого мы знаем по Евангелию является созданием Левия Матвея: выражение (что пишет Левий Матвей) преобладает над содержанием (исторической правдой). Даже в ершалаимских главах написанное преобладает над

⁹В. Войнович, *Иванькиада*, Аян Арбор, 1976, с. 12

¹⁰Лотман и Успенский, «О семиотическом механизме культуры», ТЗС № 5, с. 154

¹¹Ф. Искандер, *Созвездие козлотура*, с. 266

действительностью, которая описывается. Иешуа отрицает, что он хотел разрушить храм. Пилат возражает: «Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм»¹². Позже выясняется, что метафору Иешуа поняли буквально: «Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее»¹³. Как пишут Лотман и Успенский, направленность на выражение чаще всего связана с интерпретацией отношения между выражением и содержанием как единственного возможного: метафорические смыслы, которые требуют второго толкования на уровне содержания, поэтому исключаются.

Но значение выражения в советской жизни лучше всего показано в московской части романа. Действующие лица существуют и события происходят только в том случае, если есть документы, которые их констатируют. Нет документа—нет и человека, и наоборот: история болезни мастера исчезает из больницы, прописка Алоизия Могарыча исчезает из домово́й книги, документы Мастера и Маргариты возвращаются, Николай Иванович требует удостоверение о том, что он провел ночь на балу у сатаны. Также было установлено, что банда Воланда является галлюцинацией, потому что не осталось никаких письменных следов: «решительно и категорически утверждали, что никакого черного мага Воланда в Москве нет и быть не может. Решительно нигде он не зарегистрировался при приезде, никому не предъявлял своего паспорта или иных каких-либо бумаг, контрактов и договоров, и никто о нем ничего не слышал!»¹⁴ Как я уже раньше писал, реализация метафор является центральным структурным приемом в романе с момента появления банды сатаны как результат инвокации ругательства, которое обычно функционирует только метафорически («бросить все к

¹²М. Булгаков, Романы, М., 1976, с. 43А

¹³М. Булгаков, Романы, М., 1976, с. 441.

¹⁴М. Булгаков, Романы, М., 1976, с. 74В

черту»¹⁵ Роман играет на параллели между табу на упоминание дьявола и табу на упоминание НКВД—и тот и другой играют большую роль в романе. Но есть и другие реализованные метафоры: глава «Черная магия и ее разоблачение» кончается буквальным разоблачением для некоторых в зале—у них исчезает одежда.

Ритуализация советского языка достигла своей вершины в эпоху Сталина, и самые строгие запреты были созданы вокруг его имени. На фоне сильно ритуализованного языка, отсутствие термина так же значимо как и его присутствие. В романе Айтматова «И дольше века длится день» Куттыбаева арестуют потому, что он «не возразил английскому полковнику, что без гения Сталина победа была бы невозможной, сколько бы они не крутились там, в Европе, . . . Значит, он товарища Сталина и в мыслях не держал!»¹⁶ В «Случае на станции Кречетовка» Солженицын описывает такой же момент: Тверитинова арестуют потому, что он не знает новое название города — Сталинград.¹⁷ Ольга Фрейденберг даже считает, что Сталинград защищали такой ценой потому, что город нес имя великого гения и сравнивает оборону Сталинграда с судьбой Ленинграда, который имел несчастье называться именем не того вождя.¹⁸ В «Чонкине» Войновича человека арестуют, но потом освобождают, когда он доказывает, что его фамилия — Сталин.¹⁹ Как пишут Лотман и Успенский, идеальная форма для книги при ориентированности на выражение есть катехизис (вопросы и ответы).²⁰ Стиль самого Сталина представляет идеальный пример такой организации текста. Его статья «О марксизме в языкознании», например, состоит из ряда вопросов

¹⁵Kevin Moss "Bulgakov's Master and Margarita: Masking the Supernatural and the Secret Police," Russian Language Journal, 129-130 (1984), 115-31.

¹⁶Ч. Айтматов, Бураный полуставок, М: 1981, с. 158.

¹⁷А. Солженицын, Сочинения, Франкфурт 1968, с. 188.

¹⁸О. Фрейденберг, неопубликованные мемуары, 6/2/96.

¹⁹Е. Войнович, Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, Париж, 1978, с. 176-194.

²⁰Ю. Лотман и Е. Успенский, «О семиотическом механизме культуры», ТЗС № 5, с. 153.

и ответов с ритуальным повторением ключевых фраз, характерным для советской журналистики того периода.

Если типология культуры по направленности на выражение или на содержание так подходит при изучении советской культуры, то почему Лотман и Успенский не берут материала из этой культуры? Может быть они сами не замечают аналогии, а в то же время именно эти черты современной культуры позволяют им видеть идентичные черты в дореволюционной русской культуре? Скорее всего они просто обходят политически опасный момент молчанием. Типология позволяет избежать количественной оценки культуры, но в то же время культура выражения ассоциируется со средними веками и с примитивным обществом. Открытое сравнение советской культуры с культурой примитивного общества или культурой средних веков могло бы показаться подозрительным советскому цензору. Тем не менее, можно найти намеки на то, что Лотман и Успенский иногда имели в виду современную им культуру. В «Семиотическом механизме культуры» они пишут, например, что «показательно, что смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий)».²¹ Разве могли они писать это не имея в виду изменений в личных именах, географических названиях, и даже в алфавите, которые были введены после октябрьской революции? В этой же статье читаем, что «одной из наиболее острых форм социальной борьбы в сфере культуры является требование обязательного забывания определенных аспектов исторического опыта. Эпохи исторического регресса (наиболее яркий пример — нацистские государственные культуры в XX веке), навязывая коллективу крайне мифологизированные схемы истории, в ультимативной форме требуют от общества забвения текстов, не поддающихся

---

²¹Ю. Лотман и Б. Успенский «О семиотическом механизме культуры», ТЭС № 5, с. 145.

подобной организации»²². Несомненно более яркий пример представляет собой не нацистская, а советская культура сталинского периода, с ее переписанием истории и обязательным забвением врагов народа. Сдвиг в пространстве или во времени является традиционным приемом советского эзопова языка: как примеры можно привести здесь Германию в «Драконе» Шварца или древний Рим у Булгакова. Но в праве ли мы читать научный текст по законам эзопова языка? В американском сборнике «Семиотика русской культуры» Лотман и Успенский сами дают разрешение на такое прочтение: «в самых разных исторических эпохах возникают ситуации типичные для России: люди, которые якобы пользуются одним языком (на уровне выражения) на самом деле говорят на разных языках (на уровне содержания), т. е. они употребляют одинаковые слова или фразы, но приписывают им разное значение»²³.

Преимущественная направленность советской культуры на выражение не обязательно должна рассматриваться как отрицательная черта. Общепринято мнение, что внимание, которое уделялось литературной работе со стороны писателей, читателей и цензуры возможно положительно влияло на литературу. Такое внимание само может быть следствием общей направленности на выражение. В статье о «Мастере и Маргарите» Синяевский пишет, что «Россия наполнилось «врагами» буквальными, пускай и невидимыми, которые действовали, как бесы, и стирали грань между действительностью и вымыслом. Сталин включил (возможно, не подозревая о том) магические силы, заключенные в языке, и русское общество, падкое всегда на образное восприятие слова, на чудесное преобразование жизни в фабулу романа (откуда проистекают, между прочим, и красота и величие русской литературы), поддавалось этой жуткой иллюзии жить в мире

²²Ю. Лотман и Е. Успенский «О семиотическом механизме культуры», ТЭС № 5, с. 150

²³Ju. M. Lotman and B. A. Uspenskij, "Author's Introduction," The Semiotics of Russian Culture (Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions, 1984), xiii.

чудес, колдовства, вероломства, искусства».²⁴ Можно предположить, что нас интересуют русская и советская литературы именно потому, что русскую и советскую культуры характеризует направленность на выражение.

Конечно, разделение Лотманом и Успенским культуры на два типа упрощает всю сложность культуры— такая типология не может объяснить все черты культуры. Но можно использовать эту типологию, как основу для обсуждения разницы между советской культурой и, предположим, американской. Преимущество типологии в том, что она разделяет культуры не количественно (более или менее развитые, больше или меньше одинаковой культуры), а качественно, то есть: культуры бывают разные—направленные на выражение и направленные на содержание. И если такая типология поможет студентам с большей терпимостью относиться к другим типам культуры, то такую типологию стоит использовать в курсе советской культуры.

---

²⁴А. Снявский (А. Терц), Литературный процесс в России, *Континент*, № 1 (1974), с. 161–162.